

рѣзокъ, что Кудрявцеву пришлось перейти въ нидерландское отдѣленіе черезъ залу съ картинами, изображавшими такъ-называемую *nature morte*. Чтò могло быть болѣе чуждо поклоннику Рафаэля и Винчи, чѣмъ, напр., „Рыбный рынокъ“ Ванъ-Эса, большая картина, вся занятая рыбами всякаго рода, висающими, лежащими на столѣ и на полу, кучами и по-одиночкѣ? Здѣсь, дѣйствительно, искусство служило уже инымъ богамъ: „вы сначала почти не замѣчаете искусства, такъ ощутительно говоритъ вашимъ чувствамъ въ этихъ произведеніяхъ дѣйствительная природа“. Но читатель вмѣстѣ съ авторомъ *вспоминаетъ* объ искусствѣ, когда при его помощи вглядывается въ картину и замѣчаетъ, какъ художникъ сумѣлъ передать „эту холодную жизнь со всѣмъ ей свойственнымъ колоритомъ“, какъ онъ вѣрно угадалъ и перенесъ на полотно, напр., игру красокъ въ перерѣзанной наискось свѣжей лососинѣ.

Едва ли болѣе симпатично было автору нидерландское искусство, когда оно обращалось къ человѣку, „стараясь уловить въ немъ жизнь самой природы въ противоположность идеальному, когда оно хотѣло видѣть въ человѣкѣ прежде всего благороднѣйшее животное“. Но и въ данномъ случаѣ, вглядываясь въ картины, на которыхъ человѣкъ празднуетъ свои пиры, съ сіяющимъ лицомъ и играющими отъ радости глазами истребляетъ природу растительную и животную въ разныхъ ея видахъ, авторъ сумѣлъ выяснитъ себѣ и читателямъ, почему эти картины принадлежатъ все-таки къ области искусства. За то свободнѣе дышитъ авторъ и выше, и выше поднимается его грудь, когда онъ подходит къ *ландшафту*, когда онъ выясняетъ, какъ идеальное направленіе искусства въ Италіи убивало въ художникахъ пониманіе поэтической стороны природы, и какъ велика въ этомъ отношеніи заслуга нидерландцевъ—когда, наконецъ, ему дана возможность заговорить о Рюисдэлѣ. „То, чтò внесъ Рюисдэлъ въ ландшафтную живопись, была его собственная глубокая симпатія къ природѣ—не къ этой праздничной, нарядной, сіяющей радостнымъ блескомъ, которая веселитъ взоръ, но къ природѣ дикой, угрюмой, печальной, задумчивой; его ландшафтъ—почти всегда глубоко-поэтическая элегія... Любилъ онъ дикую прелесть лѣсовъ и робкую игру солнечныхъ лучей среди ихъ пустынныхъ полей; любилъ, когда пустыня оживлялась на минуту крикомъ охотниковъ, преслѣдующихъ оленя; любилъ осыненный густою зеленью пригорокъ и выходящую по немъ одинокую тропинку, грустно оживленную однимъ лѣнивымъ пѣшеходомъ; любилъ старое дерево, сломанное грозой или брошенное бурей подлѣ широкой